

предположение о том, что народы восточной Сибири являются выходцами из Америки (Ф. Боас, В. Долл, А. Желлуэл, В. Йохельсон)¹; на этом основании не только эскимосов и алеутов, но и некоторые другие народы северо-востока Азии (чукчей, коряков, ительменов, нивхов, юкагиров) предлагалось называть американоидными. Однако эта точка зрения не имеет под собой реальных оснований и потому не получила сколько-нибудь широкого распространения². Положение же о том, что родины этих народов является северо-восток Азии все более убедительно подтверждается исследованиями, проведенными в последние годы историками, этнографами, археологами и антропологами. В пользу этого положения свидетельствует также и сравнительный анализ языкового материала. Поэтому эскимосско-алеутские народы и их языки могут быть отнесены к палеоазиатским с таким же основанием, как и все остальные народы и языки, объединяемые под этим условным названием³. Таким образом, употребление термина «палеоазиатские» (или «палеосибирские») в отношении народов и языков логически неизбежно предполагает включение туда и эскимосско-алеутской группы. Тот факт, что некоторые источники по этой группе все же включены в «Указатель» (№ 3: 324 и др.), свидетельствует, как нам кажется, о том, что и сами составители чувствовали искусственность изоляции эскимосско-алеутской группы.

Представляется также неоправданным в данном случае обычно практикуемое в зарубежных изданиях транскрибирование названий русских источников латинскими буквами (в рецензируемой работе применяется транскрипция Библиотеки Конгресса). По нашему мнению, это не дает положительного результата (не зная русского языка такое транскрибирование не окажет никакой помощи, между тем внешняя форма оригинала изменена). Составителям «Указателя» следовало бы также сделать более точные ссылки на печатные источники, из которых ими получены сведения об архивных материалах. Хочется надеяться, что при передаче книги указанные недочеты будут устранены.

В заключение следует отметить совершенно правильное, по нашему убеждению, мнение составителей «Указателя» о предполагаемом родстве палеоазиатских языков с другими языковыми группами (уральской, тунгусо-маньчжурской, тибетской). В отличие от ряда западных лингвистов (И. Анкерия, К. Боуда и др.) составители «Указателя» полагают, что наличие некоторых общих элементов в языках этих групп еще не дает основания говорить о генетической общности всех их (Приложение, стр. 218).

Советские лингвисты также считают, что генетические связи языков могут быть выявлены не внешним сопоставлением отдельных общих языковых элементов (иногда заимствованных и даже случайно совпадающих), а лишь путем глубокого сравнительно-исторического анализа интересующих языков в целом. В этом деле, как и в решении всей палеоазиатской проблемы, помощь исследователям, несомненно, окажет рецензируемый библиографический указатель.

П. Я. Скорик

Jean Denu. L'arméno-coman et les «Ephémérides» de Kamientes (1604—1613). — Wiesbaden, 1957. 96 стр. (Ural-altaische Bibliothek, IV).

Новая книга известного французского тюрколога Ж. Дени представляет собой результат многолетнего плодотворного изучения куманской подгруппы кыпчакской группы тюркских языков по документам, принадлежащим Каменец-Подольской колонии тюркоязычных армян и хранящимся в Национальной библиотеке Франции в Париже⁴.

¹ См. об этом F. Boas, *Ethnological problems in Canada*, «The journal of the Royal anthropological institute of Great Britain and Ireland», vol. XL, 1910, July to December, стр. 529—539; W. H. Dall, *Alaska and its resources*, Boston, 1870, стр. 176—192; A. I. Hallowell, *Bear ceremonialism in the Northern hemisphere*, «American anthropologist», New series, vol. 28, № 1, 1926, стр. 160; W. Jochelson, *The ethnological problems of Bering sea*, «Natural history (the Journal of the American museum)», vol. XXVI, № 1, January-February, 1926, стр. 90—96.

² См. об этом, например, В. П. Богораз, *Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке*, «Сборник Музея антропологии и этнографии [АН СССР]», VI, 1927, стр. 37—63.

³ Особый интерес по этому вопросу представляет мнение, высказанное на недавно проходившем совещании американских археологов, в котором принял участие советский ученый Г. Ф. Дебел.

⁴ Основной архив этой колонии в количестве 32 книг, содержащих записи юридических актов, в свое время был перевезен из Каменец-Подольска в Киев и хранился в Архиве древних актов в помещении университета. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. архив погиб при пожаре в здании университета. В нашем распоряжении имеются транскрипции около трехсот документов, четыре из которых опубликованы (см. Т. И. Грунин, *Памятники половецкого языка XVI в.*, сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953).

«Введение» (стр. 7—24) содержит исторические сведения об армянской колонии в Каменец-Подольске, а также сведения об архиве документов этой колонии. Автор дает справку о миграции армян из пределов Армении, начавшейся в начале XI в. в результате падения армянского царства Багратидов, а затем разгрома его сельджуками (1064 г.). В Крыму (да и не только в Крыму) армяне уже в XI в. встретились с тюркоязычным народом — куманами (кыпчаками, согласно арабским источникам, или половцами, как называют их русские летописи), с которыми судьба связала их на столетия, в результате чего язык куманов (половцев) стал для армян вторым родным языком. В начале XIII в. в результате монгольского нашествия куманы (половцы), а с ними и армяне были оттеснены на запад; уже в конце XIII в. отмечается расселение армян на Подолье и, в частности, в районе Каменца. Армянская колония в Каменец-Подольске в соответствии с Магдебургским правом имела автономное управление на главе с войтом. Делопроизводство в колонии велось на трех языках: армянском, куманском (половецком) и польском.

Отмечая на стр. 10, что термин «кыпчакский», проникший в литературу из арабских источников, выражает скорее географическое, чем лингвистическое понятие, автор в то же время признает возможность употребления этого термина как более общего и объявляет язык куманов особым языком группы кыпчакских языков. В языке куманов автор выделяет: 1) язык «Codex Cumanicus», 2) язык текстов тюркоязычных армян и 3) еврейско-куманский язык караимских текстов. Надо признать, что обозначение куманского языка из общей группы кыпчакских языков вполне законно, если иметь в виду, что куманский язык имеет собственную историю развития и как своей лексикой, так и своим грамматическим строем во многом отличается от других языков кыпчакской группы.

Во «Введении» же автор рассматривает грамматические (стр. 18—22) и лексические (стр. 22—23) особенности текстов. Незначительное количество записей (всего 63 и несколько дополнений объемом от 2 до 10 строчек), естественно, не могло послужить достаточным материалом для детального исследования языка тюркоязычных армян. Тем не менее автор делает ряд ценных замечаний в отношении как языка в целом, так и его грамматических особенностей. Здесь же автор останавливается на принципах транскрипции армянского письма латинскими буквами. Армянский алфавит имеет значительно больше буквенных знаков (32 для передачи согласных), чем это нужно для транскрипции звуков куманского языка. Поэтому для передачи одного и того же звука куманского языка использовалось несколько букв, например посредством «нимь», «ке», «кен» обозначался звук *k*, посредством «да» и «то» передавался звук *t*, а знак *J(y)* использовался почти после каждой гласной. Знаки «нимь», «ке», «кен» Ж. Дени транскрибирует через *k*, «да» и «то» — через *t*; а знак *J* — через *y*, который заключается в скобки там, где, по мнению автора, он не нужен; мы в таких случаях знак этот не транскрибировали совсем.

В общем же принципы транскрипции Ж. Дени почти ничем не отличаются от принципов, положенных нами в основу транскрипции армяно-половецких текстов¹. С другой стороны, в армянском алфавите отсутствуют буквенные знаки для передачи на письме гласных переднего ряда *ë, ÿ*, в результате чего слова «дом», «верх» автором транскрибируются как *ov, ust*, хотя известно, что эти слова произносятся в тюркских языках как *ör, üst*. Надо полагать, что эти слова так же произносились и армянами, так как аффиксы, присоединяемые к подобного рода словам, имеют тот же вариант, что и при словах с гласными переднего ряда; по нашему мнению, вместо *ovina* следовало бы транскрибировать *övinä* («в его дом»), *üstinä* («на верх»). Слово *yuk* «поручительство» тоже должно читаться как *yük*, так как в слове с гласной заднего ряда *u* на конце было бы не *k*, а *h*.

Далее автор дает список надежных аффиксов, из которых следует отметить наличие (в редких случаях) аффикса винительного падежа *-uğ* (*hul-uğ* «руку») при обычном *-ni, -ni* (или *-in, -in* для слов с местоименно-притяжательным аффиксом 3-го лица) и показателя дательного падежа *-na* в словах с местоименно-притяжательным аффиксом 3-го лица (например, *ay-na* «месяцу», *usti-na* «ни верх чего-либо»).

Из глагольных форм автор отмечает наличие в языке текстов формы 2-го лица повелительного наклонения на *-kin, -kun, -gun, -gun* вместо формы на *-kil, -gil* (*aytkin* «скажите», *hoçkun* «положите»), формы будущего времени на *-sar* (реже — на *-esi*) и формы желательного наклонения (optatîl) на *-gay, -kay*. Отмечаются также формы прошедшего категорического времени *eti* «сделал», *ayti* «сказал» вместо *etti, aytti*. Нам кажется, что вариант типа *eti, ayti* является результатом отсутствия орфографических правил или даже небрежности.

Автор, ссылаясь на наш текст № 1², считает, что форма 1-го лица аориста должна быть в виде *tanıman*, т. е. как в турецком языке, и предполагает, что форма *horhıman* (вместо *horhımanı*), *turmen* (вместо *turmen*) имеет то же значение, что и *dir* в турецкой форме типа *etmişimidir*, т. е. значение большего подтверждения совершения действия. Но в нашем тексте № 1 аорист в 1-м лице ед. числа тоже имеет форму *tanıman*, а не *tanımtan*, и, следовательно, расхождений в этом отношении не имеется. Из сказанного

¹ См. Т. И. Гру н и н, указ. соч.

² Там же, стр. 92.

можно сделать вывод о том, что именно форма *tanman*, *horhman* и была основной в языке как наших, так и публикуемых Ж. Дени текстов.

Из причастий отмечается уотребление форм на *-gan*, *-kan* и на *-gust* и отсутствие формы на *-dact*. Деепричастия в текстах представлены весьма ограниченно; автор отмечает лишь деепричастия на *-ip*, *-i*, *-kinsa*. Относительно синтаксиса автор ограничивается замечанием о сильном влиянии в этой области армянского и славянских языков, на что мы в свое время тоже указывали¹.

Основной словарный фонд текстов, как отмечает автор, в своей тюркской части — тот же, что и в «Codex Sumanicus», хотя и претерпел некоторые изменения за два-три столетия, отделяющие во времена армяно-куманские документы от текстов «Codex Sumanicus». В языке документов больше, чем в «Codex Sumanicus», имеется арабских слов, проникших через турецкий язык; персидский же лексический слой не увеличился ввиду разрыва связей армян с иранскими народами. Место персидского языка в пополнении словаря армян, особенно в области культуры, заняли славянские языки, в частности польский; славянские элементы, главным образом инфинитивы глаголов, входят в состав сложных глаголов, образуемых при помощи *et* «делать», например *holdovat et* «оказывать почести» и т. п.² Армянские слова в текстах используются главным образом для передачи религиозных понятий, т. е. так, как еврейские слова в караимском языке.

Интересным следует признать замечание автора о том, что слово *nemic* армяне употребляли в широком значении, т. е. применительно ко всем европейцам (ср. *inork* по отношению ко всем тюркоязычным народам), а не в смысле «немец», и что было еще слово *nemets*, которое и означало «немец» (стр. 22—23). Поэтому наш перевод слова *nemic* (см. наш текст № 1) как «немец» автор считает ошибочным. Отметим, однако, что в нашем тексте № 1 за словом *nemich* следует явно немецкая фамилия Корт. Это и дало нам основание переводить *nemich Kort* как «немец Корт»; следует также иметь в виду, что слово *nemets* в наших текстах не встречается.

Опубликованные тексты документов позволяют установить названия шести дней недели; отсутствует название вторника: в наших текстах он называется *hogari kün*. Тексты 63 документов (автором которых считается некто Аксон Дер Крикор) и их перевод на французский язык составляют содержание II раздела «Текст записей событий Каменца»; в III разделе «Текст дополнений к записям событий» (стр. 38—41) приводятся дополнения к документам объемом в 1—4 строчки каждое (стр. 25—37). Весь фонд каменец-подольского архива, хранищийся в Национальной библиотеке Фрапдих, датирован 1053—1062 гг. по армянскому летоисчислению, что соответствует 1604—1613 гг. европейского календаря. Однако часть его, датированная 1604—1610 гг., написана по-армянски, и автор налагает лишь краткое содержание перевода этих текстов на французский язык, сделанного М. Фейдитом. Следовательно, документы, опубликованные Ж. Дени, относятся к 1611—1613 гг.

По содержанию тексты представляют краткое изложение важнейших событий, имевших место в 1611—1613 гг. Так, например, в двух текстах на стр. 30 сообщается: в первом (от 9/19 июля 1612 г.) — о сражении под г. Яссы польской армии с объединенными войсками князя Томива, паши (турецкого), венгров и татар и о результате этого сражения, во втором (от 17/27 июля 1612 г.) — о нападении татар на Каменец, угоне скота и сожжении церкви св. Креста. Таким образом, опубликованные Ж. Дени документы представляют собой ценный материал и для историков.

Особую ценность и интерес для изучения словарного состава армяно-куманского языка представляет IV раздел — «Словарь» (стр. 42—84), где автор, кроме перевода значительного слова на французский язык, делает ссылки также и на то, где и в какой фонетической форме данное слово встречается. Материалы словаря позволяют судить о близости тюркского слоя языка документов соответствующей лексике языка «Codex Sumanicus» и других кумано-половецкоязычных текстов. «Словарь» наглядно показывает также, насколько сильно было влияние славянских языков на армяно-куманский язык³.

V раздел рецензируемой работы (стр. 85—94) представляет собой список собственных имен лиц и географических названий, упомянутых в текстах документов; этот список представляет ценность для историков при выяснении деятельности исторических личностей и установлении района деятельности армянской колонии Каменец-Подольска. В справочном разделе (стр. 95—96) дается список литературы, использованной автором при написании книги⁴.

¹ Т. И. Групи н, указ. соч., стр. 96—97.

² Ср. аналогичный способ образования глаголов в современных тюркских языках.

³ По мнению Б. М. Ляпунова, в свое время просматривавшего наши транскрипции половецкоязычных текстов, наибольшее влияние на армяно-куманский оказал лужицкий говор.

⁴ В списке литературы не указывается работа покойного М. Левидкого и Р. Кохновой «La version turque kiptchak du Code des lois des Arméniens polonais d'après le ms. № 1916 de la Bibliothèque Ossolineum» («Rocznik orientalistyczny», t. XXI, Warszawa, 1957), также посвященная изучению языка армяно-куманских документов, — по-видимому, она вышла в свет одновременно с рецензируемой книгой.

